

Содержание

Вместо предисловия	7
Воцерковление как социализация	11
Диагностика внутреннего мрака	26
Мирянин в святцах	35
Каюсь, что не ангел	45
Ненужные сведения.	49
О физическом труде.	57
Апостол Павел и его спутники	63
По добру не идут.	73
Разумное самоограничение.	81
Святое Писание в памяти.	89
Современность	105
Эгоизм и его преодоление	122
Обман, везде обман...	133
Времени нет. Почему?	141
Работа и молитва	151

Депрессия	158
Детство вчера и сегодня	167
О «гражданском браке» и прочих половых вольностях	178
Развод	185
Деньги. Тяжелая тема	193
Долги.	206
Указатель имен	216
Указатель тем	219

Вместо предисловия

У преподобного Паисия Афонского есть книга «С болью и любовью о современном человеке». Сам старец ничего не писал. Книга составлена из расшифровок его бесед с духовными детьми и из ответов на вопросы. Название этой книги очень точное. Как еще говорить о человеке, если не с болью и любовью? Если без боли, то человек просто не видит умножающиеся страдания мира и имеет каменное сердце. Если без любви, то зачем вообще говорить что-либо?

Цицерон в свое время, выступая с речью против Катилины, с горечью воскликнул: «О времена, о нравы!» Выражение стало крылатым.

O tempora, o mores!

Мы решили воспользоваться этим горьким вздохом, полагая, что он подходит к разговору о человеке с болью и любовью. При этом мы помним сказанное Соломоном: «Не говори: отчего это прежние времена были лучше нынешних? Потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Еккл 7:10). Мы не осуждаем наше время и не хвалим прежние без рассуждения. Просто

живем мы сегодня, и наши дни достойны горького вздоха, как и все прочие.

Жизнь, кажется, долго шла, как усталый конь по борозде. И вдруг рванула с места так, что не догонишь. Общее отношение людей к жизни сегодня таково: она мчится и стремительно меняется. А когда в быту меняется решительно все — манера одеваться, пища, способы передвижения и обмена информацией, виды отдыха и т. п., — то возникает вопрос: мораль и нравственность могут ли остаться неизменными? Может, такие понятия, как «верность», «честность», «терпение» так же устарели, как устарел гужевой транспорт в сравнении с современным автомобильным? Может быть, и сама вера отходит в область музейной старины вместе с бабушкиной дровяной печью и чугунным утюгом?

Подобные мысли — соблазн, но соблазн закономерный. Оказывается, незыблемые и фундаментальные нравственные категории требуют нового, свежего прочтения в каждой новой эпохе. Если раньше о трудолюбии приходилось говорить в основном с людьми тяжелого ручного труда, то теперь об этом приходится говорить с людьми, одетыми на работе в крахмальные рубашки и стильные пиджаки. Но само «трудолюбие» при этом никуда не исчезло и сути не изменило. Точно так же дело обстоит и с другими нравственными категориями. К тому же и сама жизнь опытно доказывает нам ту простую исти-

ну, что нравственная эрозия, вымывание нравственного смысла из сознания современного человека равнозначно выдергиванию земли у него из-под ног.

Стоит развратиться человеку, полюбить связанные в тугой узел деньги и удовольствия, а кроме них более ничего, как вдруг оказывается, что жизнь треснула. Генно-модифицированная еда не насыщает. Распавшиеся семьи плодят новое сиротство и великое массовое одиночество. Техника, придуманная для облегчения жизни, превращается в подлинное наказание, угрожая катастрофами и умножая суету. К прежним зависимостям прибавляются новые, и под шум о свободе человек все более и более поработается. Слово театр абсурда переступил грань, отделяющую сцену от зала, и вошел в самую гущу жизни.

Не надо обольщаться. Современная цивилизация не сделала того, что обещала. Она не сделала человека счастливым. Видимо, счастье принципиально не живет внутри таких понятий, как цивилизация. Цивилизация, как говорил Константин Леонтьев, лишь избавляет человека от одних проблем, чтобы тут же на их место поставить новые. А человеку все так же, как всегда до этого, нужен Бог. Нужно, чтобы небо над головой жило и дышало, а не превращалось в крышку над медным тазом, в котором оказался человек. У человека по-прежнему болит душа, в бессмертие которой его верить отучили. И, значит, нужно

припомнить некоторые прописные истины, истолковав их на языке, более-менее приближенном к современному пониманию.

Безусловно, это труд, не обещающий великих успехов. При всей своей глубинной несчастью человек все же стал циничен, недоверчив, горд. Он потерял способность говорить о главном. К тому же «нелегкая это работа — из болота тащить бегемота». Но попробовать стоит. Все же речь идет о любимейшем Божием создании, за которое на Кресте страдал и умер Иисус Христос. Люди не созданы для адских мук. Не созданы также и для вечной суеты и взаимного злобного пожирания.

Люди созданы для чистых радостей и умного труда. Возвращению этих ясных мыслей в помутненное сознание современника посвящена эта книга — книга о нас.

О том, что оку хорошо видно, а сердцу не до конца понятно.

О, tempora!..

О, времена!..

Воцерковление как социализация

Крест, как известно, состоит из двух перпендикулярно пересекающихся перекладин. Этот простейший геометрический образ (линия вверх и линия поперек) является, несмотря на простоту, глубочайшим выражением полноты человеческой жизни.

У человеческой жизни есть — должна быть — вертикальная координата. Это наше отношение к Богу и, более того, наши отношения с Богом. Живые, личные отношения. Наши молитвы, наши «шепоты и крики». Наши просьбы и Божии ответы на них, наши обеты и исполнение их. Все это и есть та самая вертикаль, которая есть, вернее, должна быть у каждого человека. Вера — это вертикаль. «Горе имеем сердца!» — всякий раз мы слышим при служении литургии. То есть «сердца наши да будут устремлены вверх!» И литургический ответ общины на эти священнические слова: «Имамы ко Господу!», что означает: «Сердца наши обращены к Господу».

Но вера — это также и горизонталь.

Это нахождение общего языка с другими людьми. С теми, кто стоит с тобою вместе в одном храме на молитве. Но также и с теми, кто не стоит сейчас рядом, но тем не менее является твоим братом и ближним во Христе.

Одной из иллюзий современности является убеждение в том, что вера — это личное дело каждого. Иногда столь интимное и личное, что оно и не проявляется вовне никак. На самом деле отдельный человек вряд ли способен верить. Вера как дар дана Телу Церкви, общине. Вера живет в общине, в верующем народе, и из ее сокровищ каждая личность берет столько, сколько способна переварить и усвоить. Это касается таинств веры и принятия благодати. Это же касается и элементарного братского общения.

Мы верим в одного и того же Господа, участвуем в Его трапезе и при этом можем быть так чужды друг другу, словно теснимся в автобусе, а не стоим у Престола Господня. Примерно так об этой проблеме говорит Франсуа Мориак в небольшой, но крайне полезной книжице под названием «Во что я верю». Я всерьез думаю, что относительный успех различных протестантских миссий напрямую связан с их социальной активностью. Человек, попадающий в одну из таких улыбчивых групп, ощущает себя окутанным братскими и сестринскими отношениями. Это так ново и непривычно для нашего холодного и эгоистичного мира, что человек будет «куплен» этой любовью

надолго. Со временем он, скорее всего, перерастет масштаб и объем преподаваемого учения и образа жизни (я говорю о русских людях), но чувство того, что он встретился с некоей семейственностью, справедливо останется в его душе и будет соединено с благодарностью.

Вот, собственно, чего не хватает. Но не так, как птичьего молока, которого нет в природе. А не хватает так, как не хватает чистоты на плохо подметенной улице — стоит только взять да подмести. В этом нет ничего особо сложного и тем более недоступного.

Всякий человек хоть на что-нибудь да способен. В этой корявой и простой мысли есть много силы и красоты. В каждом храме могла бы лежать тетрадка, разделенная на две части. Название одной части: «Могу помочь», название другой: «Нуждаюсь в помощи». Например, пожилая и одинокая женщина пишет: «Нуждаюсь раз в неделю в помощи по уборке квартиры и закупке продуктов». И она же пишет во второй части тетрадки: «Могу взять на проживание девушку-студентку, так как живу одна. Возьму бесплатно, во славу Божию».

Как нетрудно заметить, первая фраза, выражающая нужду, находит разрешение во второй фразе, предлагающей помощь. В случае, если все сойдется, бесквартирная молодая студентка, ходящая в тот же храм, поселится даром у верующей старушки. А милосердная хозяйка взамен

получит бесплатную помощницу, и не только раз в неделю, а чаще.

Так бывает — если и не всегда, то весьма часто. Нам что-то очень нужно, и мы не имеем этого. Но в то же время мы что-то можем, но не делаем этого. И то, что можем мы, тоже очень нужно кому-то. Получается некое вселенское сиротство и общая душевная сухость. Порочный круг разрывается изнутри нашим личным усилием. Мы ставим перед собой вопрос: «Что полезного я могу делать?» И если у вопроса будет ответ, нужно приниматься за дело. Отсюда, из этой точки, и начинают меняться мир и жизнь человека.

В более радикальной форме вопрос может звучать не так: «Что я могу делать?», а так, как он прозвучал из уст ослепшего Савла, который «...в трепете и ужасе сказал: Господи! Что повелишь мне делать?» (Деян 9:6). Эта форма вопроса более точна. Вернее, она единственно точна, поскольку «от Господа стопы человеку исправляются» (Пс 36:23). Тот, в ком есть вера, привычно просит от Бога прощения и благословения. «Господи, помоги», «Господи, прости», — часто произносит человек. Но вот и еще один способ и смысл обратиться к Богу: «Что повелишь мне делать?»

Пусть нарисованная картина не рождает в вашей душе радужных иллюзий. Сознательное творение добра (по-церковному — доброделание) — это крест. Он тяжок, и под ним не раз упадет человек. Кто думает, что творить добро есть за-

нятие приятное и легкое, тот вряд ли хоть что-то поистине доброе сделал за всю жизнь. Возьмем хотя бы нашу бабушку и ее студентку-помощницу. Даже если все сложилось и две половинки составили целое (у одной есть жилье, у другой — помощь по дому), у нас нет гарантий, что все будет прочно и красиво. Ведь мы же знаем, как вредна и докучлива, подозрительна и ворчлива бывает старость. Даже у верующих людей. Даже в острой нужде.

Мы ставим перед собой вопрос: «Что полезного я могу делать?» И если у вопроса будет ответ, нужно приниматься за дело. Отсюда, из этой точки, и начинают меняться мир и жизнь человека.

И познакомиться всегда легче, чем ужиться. Кроме того, мы и о молодости знаем, что она бывает ветрена и легкомысленна, ленива и развратна. Так что у нас нет гарантий, что после встречи двух людей, нуждающихся друг в друге, отдельная болячка мира затянется и исцелится. Может быть и так, что появятся новая язва и новое недоумение. Кстати, не так уж нужна и тетрадка. Люди, молящиеся в одном приходе, просто со временем должны узнать друг друга. Узнавание и принесет информацию как о нуждах, так и о способностях.

Сложность на пути реализации того, о чем здесь говорится, одна — эгоизм. Пожалуй, есть и другая — суетность. Быстро бегущий по жизни без цели, вечно занятый только собой и перегруженный проблемами человек — это вряд ли тот, кто исполняет двуединую заповедь о любви к Богу и ближнему. «Какая там любовь?!» — можно досадно прошептать на бегу и махнуть рукой. Но, уверяю вас, сказанное — не фантазия. Просто дело не в количестве, а в принципе. Количество же — дело будущего. И если тысяча человек побеждена грехом, а один победил грех, то это значит, что грех в принципе побеждаем. Количественный перевес одерживает победу только при демократическом подсчете голосов. В остальных областях власть числа подчиняется Духу. Да, мало тех, кто, нося крест на шее, не просто верит в Христа, но и служит Христу. Но служащие тоже есть. Я был очевидцем того, что сейчас опишу.

Кто думает, что творить добро есть занятие приятное и легкое, тот вряд ли хоть что-то поистине доброе сделал за всю жизнь.

После воскресной службы в одном храме один юноша попросил разрешения у священника высказаться перед приходом. Священник дал добро, хотя и с некоторой тревогой (давать мирянину

слово в Церкви у нас не привыкли). Юноша же сказал, что по образованию он математик и предмет свой любит и хорошо знает. Вот только работа его очень отдаленно связана с красотой математических формул и на хлеб он зарабатывает компьютером. А математику продолжает любить. «Я хочу предложить, — сказал он, — тем из вас, у кого дети не понимают математику, свою помощь. Я буду приходить раз в неделю (больше не успею) и бесплатно помогать вашим детям разобратся в науке. Номер своего телефона я оставляю у батюшки». Эту информацию радостно восприняли многие родители, и число желающих сильно превысило в тот же день возможности этого доброго молодого человека.

Но слушайте, что было дальше. Уже в следующее воскресенье две женщины средних лет подошли к священнику с той же просьбой. Оказалось, что одна из них преподает французский, а другая — немецкий язык. Их по-хорошему затронула инициатива молодого математика, и они предложили приходу свою помощь, только уже в иностранных языках. И опять нашлись желающие, и жизнь забурлила там, где до сих пор текла незаметно. Но и это не все. То, что грех заразителен, мы хорошо знаем. Но, оказывается, и добро так же заразительно! Оказывается, что заразительным является не столько грех или добродетель, а заразительным оказывается пример! Яркий, горячий, удивительный

пример заражает людей и зовет на поприще. Разгул греха объясняется только тем, что греховных примеров больше.

Да, мало тех, кто, нося крест на шее, не просто верит в Христа, но и служит Христу. Но служащие тоже есть.

Так вот. Вскоре появился еще один молодой человек, который сказал, что не знает ни немецкого, ни математики. Зато у него есть микроавтобус и он может возить на службу и обратно домой тех пожилых прихожан, которые живут близко к его району. Далее последовал обмен адресами и телефонами, и дело пошло.

Перед нами тогда, а перед вами — сейчас возникло словно некое соревнование в святости. Точнее, в праведности, поскольку праведник очевиднее проявляет любовь к ближнему, тогда как святой — это отделенный от людей на службу Богу. Но, так или иначе, помимо терминологических тонкостей, это неслыханное и удивительное соревнование. Не социалистическое, от которого тошнило; и не спортивное, о котором непременно расскажут в СМИ. Это соревнование в праведности! А вы когда-нибудь слышали, что жизнь христианина — это соревнование? Это устремленность вперед, как при атлетическом беге. Слушайте:

«Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных» (1 Кор 14:1).

«Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1 Кор 12:31).

А вот слова, очень похожие на речь спортивно-го тренера: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить» (1 Кор 9:24).

Обратим особенное внимание на часто повторяющееся слово «ревность». Описанная ситуация возбудила именно некую добрую ревность во многих душах, и некоторые слова Писания ожили перед нами. Ведь кто такие верующие? Это те, кого Бог очистил Себе, «народ особенный, ревностный к добрым делам» (Тит 2:14). И еще раз в том же послании апостол Павел говорит, «дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам» (Тит 3:8). И вот, один человек, согретый ревностью по Богу и Святым Духом, как от малого огня, возжег множество свечей, делясь своим воодушевлением с братьями и сестрами.

Есть ревность, которую возжигает в муже жена (или муж в жене) своим неправильным поведением в обществе. Такая ревность связана с грехом или угрозой совершения греха. Но есть ревность, рождающаяся от вида или слуха о том, что кто-то уже давно успешно делает некоторые прекрасные дела, тогда как ты сам пребываешь в праздности и теряешь время. Сия вторая ревность